

УРОК 7

Тема: Философская лирика Пушкина.

Цель: представить Пушкина не только как великого художника слова, но как носителя высшей мудрости, исконных национальных ценностей.

Ход урока:

1. Проверка домашнего задания.

2. Работа с учебником.

Чтение и обсуждение статьи, посвященной стихотворению «Дар напрасный, дар случайный...»

3. Сравнительный анализ стихотворений «Дар напрасный, дар случайный...» и «Вновь я посетил...»

а) Постановка проблемы.

Существует ли связь между этими стихотворениями? Может ли одно проясниться через другое?

б) Выразительное чтение стихотворения «Вновь я посетил...»

в) Аналитическая беседа по тексту.

Можно ли понять узника, с грустной нежностью называющего свою тюрьму «уголок земли», а годы заточения определяющего как «два года незаметных»?

Согласны ли вы с определением, что жизнь есть существование и движение в ограниченном времени и пространстве? Можно ли считать это определение пушкинским, соответствующим содержанию стихотворения? Соотносимы ли у Пушкина понятия жизнь и вечность?

Какие места пространства описываются в стихотворении?

Ощущается ли между ними грань?

Какое время – настоящее, прошедшее или будущее – воссоздается в стихотворении? Что дает совмещение времен в пределах одного стихотворного текста?

Какие образы или действия повторяются в текст и какие представлены как неповторимые?

Каков смысл кольцевого обрамления стихотворения («Вновь я посетил...» - «С приятельской пирушки возвращаясь...»)? Можно ли говорить, что в стихотворении воссоздана поэзия вечного возвращения, повторения?

Найдите образы «знакомого» и «незнакомое» в тексте. Что дает их совмещение для понимания смысла стихотворения?

К кому обращены слова «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»?

Какую роль в стихотворении играют образы трех сосен? Что общего в жизни человека и природы? Чем человек выделяется из природы?

Можно ли считать стихотворение жизнеутверждающим?

3. Возвращение к проблеме, поставленной в начале урока: согласны ли вы с тем, что оба стихотворения отвечают на вопрос, для чего человек живет? Зачем дана ему жизнь? Разнятся ли ответы, которые можно прочитать в каждом из текстов?

На дом:

1. К 8 уроку: творческое задание 2 (учебник) - письменно;
2. К 9 уроку: Творческое задание «Я в роли учителя с любимым стихотворением Пушкина»

Многое, если не все в нашем восприятии жизни определяется нашей исходной позицией, точкой зрения, призмой, через которую видится мир. В стихотворении «Вновь я посетил...» такой призмой является «смертная память». Выражение, частое в сочинениях отцов церкви, несет в себе исконную для русского христианского сознания мысль о неизбежности конца и необходимости поиска пути к идеалу вечности. «Смертная память» - это память о смерти, то есть о том, что ждет человека. Очевидна парадоксальность выражения, совмещающего прошлое и будущее (как можно помнить то, что не пережил) – память о будущем. Парадоксально и содержание пушкинского стихотворения, едва ли не самого светлого и жизнеутверждающего в пушкинской лирике, каждая строка которого напитана «смертной памятью», а трагическое противостояние жизни и смерти составляет центральный конфликт, являя собой тот момент, к которому стягиваются все образы стихотворения. Можно сказать, что здесь жизнь оценивается с позиции неизбежности смертного конца, а смерть опровергается неистребимой силой жизни, проявляющейся в преемственности поколений, в памяти об ушедших навсегда, но живущих в сознании тех, кто пришел к ним на смену.

Жизни противостоит смерть (в учебнике преимущественно освещен полюс жизни, здесь мы указываем на особенности пушкинского изображения другого полюса). Изумительны мастерство и изобретательность Пушкина в создании поэтического напряжения вокруг полюса смерти. Как, оставаясь в пределах реалистической точности и достоверности, описать то, что находится за пределами жизни? Пушкин гениально просто решает эту сложнейшую задачу: смерть остается за пределами текста незримым, неосознаваемым, бесличным отрицанием жизни. Бытию с его конкретикой земной жизни противопоставлено небытие, могущее быть выраженным только в категориях отрицания («Уже старушки нет», «Не я увижу») или умолчания. В жизни может быть градация от знакомого к незнакомому, человек может строить предположения о будущем (своем или внука), но вечной тайной остается запредельное. Смерть страшна полной неизвестностью.

Примечательно, что свою покорность «общему закону» Пушкин демонстрирует только по отношению к жизни в ее вечной изменчивости, но не к смерти (хотя косвенным образом этой покорностью, принятием общего закона объясняется и мужественное отношение поэта к неизбежной для всех смерти). Смерть – неизбежность, уклониться от которой невозможно, а значит демонстрация своей покорности – пустая декларация. Иное дело жизнь, в пределах которой можно варьировать возможности того или иного пути. Человек может передвигаться или оставаться в неподвижности («я сживал недвижим»). Смерть воспринимается как остановка навсегда, вечная неподвижность («не слышу я шагов ее тяжелых»). Можно оставаться «старым холостяком» - можно обзавестись семьей, как поэт или две сосны (в отличие от их угрюмого товарища). Жизнь дает возможность вновь посетить или возвратиться (например, «с приятельской пирушки»), смерть не знает вариантов, и нет человека, который бы вернулся из загробного мира.

Заметим, однако, что момент невозвратности в тексте присутствует лишь как подразумеваемый, своего рода молчаливый противовес многообразным жизненным возвращениям, составляющим композиционный и содержательный костяк текста. В свете жесткой непреложности, которую несет в себе смерть, трагизм личностной несвободы отступает перед сознанием той роковой необходимости, противостоять которой человек не в силах. Не случайно синонимичны слова человек и смертный. В чрезвычайно значимых в стихотворении образах земных границ (например, ограниченность пространственного перемещения в годы ссылки, границы дедовских владений, стена между комнатами поэта и няни) ограниченность рамками земного существования представляется единственно непреодолимой.

Поражает сдержанность, с которой констатируется в стихотворении неизбежность ухода без возможности возвращения. Ср. мелкий штрих: воображаемые поэтом воспоминания о нем внука даны в контексте «веселых и приятных мыслей», а не в мрачной тональности скорби, плача и т.п. Или: о своем предстоящем уходе из жизни поэт говорит «не я увижу» - ср. «я не увижу». Или: емкий эпитет «тяжелые» (шаги няни, несущей свой «кропотливый дозор») может пробуждать в воображении читателя свойственное фольклору отношение к смерти как отходу от земных тягот, успокоение, вечный отдых, сон. Или: образ тесноты («кусты теснятся»), вызванной заполнением пространства «зеленой семьей», в соотношении с которым смерть может восприниматься как преграда «тесноте», необходимое ограничение перенасыщенности. Нравственный и художественный такт не позволяют поэту развивать эти и другие моменты – перед лицом смерти кажутся кощунственными любые оправдания и обоснования, но смысловые горизонты стихотворения бесконечно расширяются намеченными и готовыми к продолжению в читательском сознании образами и ситуациями.

Человек в стихотворении представлен частью природы, умирающей, обновляющейся, возрождающейся к жизни в новых поколениях. Общность и принципиальная разность между разными уровнями природного существования передается в нескольких повторяющихся словах «как». Человек может сравнивать, используя «как»; дерево просто растет и размножается. Природа не имеет голоса, а один лишь «приветный шум». Не имеет она и «смертной памяти», а значит, подверженная движению времени и покорная «общему закону», не способна их сознавать, не способна к совершенствованию, которое Радищев (один из тех многих, чьи идеи хранились в неисчерпаемой памяти Пушкина) считал условием будущего бессмертия человека: «Блаженство твое, совершенствование твое есть твоя цель... Ты будущее твое определяешь настоящим, и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта» («О человеке, о его смертности и бессмертии»),

Умение сопоставить два или несколько стихотворений является важным моментом эстетической культуры человека. В таком сопоставлении уточняются и проясняются смыслы текстов, углубляется понимание всего художественного мира писателя. Задача понять творчество Пушкина как огромное целое в единстве всех его составляющих ставится и в сопоставлении стихотворений «Дар напрасный, дар случайный...» (1828) и «Вновь я посетил...» (1835). Годы, разделяющие создание этих стихотворений, не создали непроходимой пропасти между художественной концепцией мира, воплощенной как в первом, так и в другом тексте. Стихотворения могут быть объединены как общей темой жизни и смерти, проблемой смысла жизни и смысла смерти, так и решением этой проблемы. Сходным является и подход Пушкина к решению поставленных вопросов (в первом стихотворении они формулируются прямо в тексте, во втором – обнаруживаются в развитии темы): Пушкин никогда не дает четкого и однозначного ответа, закрывающего тему, пресекающего возможные продолжения, оставляя вопрос открытым, но обязательно предлагает материал для возможного решения, доверяя читателю самому остановиться на том варианте ответа, который ему представляется наиболее вероятным. Читая Пушкина, ощущаешь зыбкость границ между определенностью, точностью, конкретностью

поэтического высказывания и бесконечной емкостью смысла, размывающей четкость контуров. Образная мысль формируется таким образом, что ее можно соотнести как с данной конкретной ситуацией, так и с многочисленными пограничными или даже противоположными. Потому, говоря словами русского философа и литературоведа М.М.Бахтина, пушкинский образ не может быть «квалифицирован и приговорен».

Оба стихотворения могут быть осмыслены как весомый противовес жизнеутверждающим стихам Пушкина: поэтический сюжет и одного и другого можно представить как движение человека к смерти. Но такая однозначно пессимистическая трактовка ошибочна потому, что игнорирует реальную сложность текстов. И одно и другое стихотворение структурируются сведением в одно целое полярностей, контрастных образов, группирующихся в два семантические гнезда – жизни и смерти, надежды и отчаяния. Смерть представлена не только как незримо присутствующий противовес жизни, но и как образное воплощение сомнения и отчаяния. Неужели человек живет только для того, чтобы умереть? Но в пушкинском изображении акценты смещаются с той финальной и вечной остановки, которой завершается земной путь смертного человека, на сам жизненный путь. В самом выборе позиции (поэтически рисуются именно образы жизни, смерть же присутствует лишь как ожидающая человека неизбежность, о ней помнят, но ее не изображают, ее и невозможно изобразить) содержится пушкинская подсказка. Человек обязан помнить о смерти, но смысл жизни придает то содержание, которое удастся или не удастся нам внести в свою жизнь. Потому есть единый для всех конец, но нет единого для всех решения; каждый ищет смысл своей жизни для себя, обесценивая свое существование пустотой и бессцельностью или обретая понимание своего высокого человеческого назначения, оставляя после себя пустоту или «памятник нерукотворный». Человек приходит «из ничтожества» («Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?»). Чем может он преодолеть ничтожество своего существования? В чем та цель («Цели нет передо мною»), служение которой делает жизнь не напрасной? Пушкину важнее поставить вопросы, а не дать ответы, навязывая единственное решение.